

ЮРИЙ ПИОНЕРОВ

ЛЕВ СТАРОВ

ГРАЧ

НАЗАД В 90-е

ТОМ 10

Юрий Пионеров

Грач. Назад в 90е Том 10

«Автор»

«Автор»

2026

Пионеров Ю.

Грач. Назад в 90е Том 10 / Ю. Пионеров — «Автор», «Автор», 2026

В день своего пятидесятилетия Данила Грачёв отдал за кекс последнюю мелочь: его торговую империю забрали люди, которым он доверял. А утром он проснулся двадцатилетним. На кухне мать печёт пирожки, отец бережёт девять тысяч на «Жигули», за окном — ноябрь 1991-го. Через пятьдесят два дня эти деньги почти ничего не будут стоить. Данила знает, что случится с ценами. Но знание не купишь в магазине и не предъявишь вместо денег. Есть дембельские триста рублей, голодный друг Бугай с плечами грузчика и сестрёнка, которая требует расписку даже за четырнадцать рублей. Есть ещё отец: он лучше доверит сыну сварочный аппарат, чем семейные сбережения. За несколько недель Даниле нужно превратить эту горсть рублей в дело, которому поверит отец. И сделать это на рынке, где каждый удачный товар замечают быстрее, чем успеваешь пересчитать выручку. Успеет ли Грач занять своё место — прежде чем его займут другие?

© Пионеров Ю., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Г	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Грач. Назад в 90е Том 10

Глава 1

Я приоткрываю дверь из подсобки в зал, удерживая её плечом. — Кузя, прилавок закрывай, решётку опускай! — Машу ему в сторону входа и прикрываю за собой дверь подсобки. Из зала слышен топот, затем скрежет железной шторы по направляющим. — Данила Павлович, они на пороге! — Кузя дёргает штору вниз и наваливается на неё, загоняя в паз. — Опускай до конца. — Придерживаю дверь подсобки и задвигаю засов. — Пусть с улицы говорят, что им надо. Только замок сейчас не открывай.

Вернувшись к Аде, забираю конверт и убираю во внутренний карман куртки. Она надевает пальто со спинки стула и поднимает сумку со стола, освобождая край у двери. — Ты уверен, что выведешь меня? — Ада застёгивает сумку и убирает её ремень под пальто. — Ещё до встречи я позвонил Гурьянову. — Открываю дверь во двор, проверяю проход за порогом и прикрываю створку. — Он со сменой у арки. Через подсобку выйдешь, если у витрины заупрямится. — Мне надо было самой увидеть, как ты письмо прочтёшь. — Она снимает со стола свои перчатки и натягивает их поверх побелевших пальцев. — Здесь хотя бы верится, что ты на встречу пришёл, а не речь подготовил.

Ада сжимает сумку так, что кожа перчаток натягивается на костяшках. Я отодвигаю край стола от выхода, освобождая ей дорогу во двор. Когда мужчины подойдут к решётке, пусть у неё хотя бы останется куда отступить. — Увидела? — Ощупываю конверт под курткой и убираю руку с кармана. — Почерк я узнал сразу. Этого тебе достаточно? — Мне достаточно. — Ада отступает от стола и встаёт у выхода во двор. — Тем, за дверью, этого мало.

Отодвигаю засов и выхожу из подсобки к прилавку. Двое мужчин в плащах стоят за опущенной решёткой входа; они успели занять порог, но в зал Кузя их не пустил. Один держится за прутья, другой прячет руки под полами. — Господин Грач. — Один берётся за решётку обеими руками и наклоняется к просвету. — Нам сказали, что здесь находится опасный предмет. Документ государственной важности. Просим предъявить. — Опасный предмет у нас мука: вдохнёшь глубоко, потом не продышишься. — Стряхиваю белую пыль с рукава и показываю на опрокинутый ящик. — А документа у меня нет. Есть договор поставки пряников. Хотите ознакомиться? Цена кусачая, но условия гибкие.

Мужчины переглядываются. Один дёргает решётку, но замок держит. Удостоверения и документа на обыск они пока не предъявили; я оставляю им возможность уйти, не ломая чужую дверь при свидетелях. На почасовой доступ ссылаться здесь бессмысленно: письмо от этих людей защищают прутья и подошедшая охрана.

За спинами мужчин Гурьянов проходит под аркой и останавливается, перекрыв им путь во двор. Его напарник остаётся у тротуара. Первый мужчина оборачивается на него, второй убирает руку из-под плаща. Я остаюсь у решётки, пока они разглядывают подошедших отставников. Теперь приходится решать, готовы ли они ломать дверь перед людьми, способными остановить их за руки. — Мы вернёмся. — Первый отпускает прутья и отступает с порога. — Завтра с утра работаем. — Подхватываю с прилавка ценник и возвращаю на место. — Пряники ещё останутся.

Они отходят от решётки и уходят на улицу; Гурьянов провожает их до угла, не касаясь ни одного. От улицы снова слышен дождь. Прислушиваюсь к удаляющимся шагам, прежде чем возвращаться к Аде. Ада дожидается, пока мужчины скроются за углом, и возвращается от двери во двор к столу. — Спасибо, что успел. — Ада перехватывает сумку за ремень и поднимает воротник пальто. — Ты хоть понимаешь, что теперь эти люди нас вместе запомнили? —

Отряхиваю её плечо от муки и убираю стул с дороги. — Зато теперь мы оба знаем, где искать. — Она поправляет ремень сумки и смотрит через зал на Гурьянова.

Она выходит в зал и останавливается возле закрытой решётки. Кузя берётся за замок и предлагает подождать, пока Гурьянов вернётся с угла. Кузя отпирает замок и приподнимает решётку; Гурьянов ждёт снаружи. На пороге она оборачивается. — Если двое суток не выйду на связь, освети оборот письма ультрафиолетом. — Она приостанавливается под решёткой и придерживает её рукой. — Там скрытая строка, особыми чернилами. Не выброси конверт, пока не проверишь.

Она уходит в ночь. Дождь усиливается.

В подсобке сажусь на перевёрнутый ящик и стираю муку с ладоней. Она забилась в ссадины на костяшках; пальцы щиплет, когда проверяю конверт под курткой. Если Ада пропадёт, придётся искать лампу для скрытой строки. Архив жгут послезавтра. До этого надо проверить сейф и сохранить письмо; на сборы у нас остаются сегодня и завтра.

В ту же ночь мы собираемся в московской мастерской союза. После встречи с Адой я забираю Кузю; Кулагина ждёт нас в конторе под охраной и остаётся там отдыхать. Гридасову звоню оттуда, прежде чем ехать к мастерской.

В мастерской пока пахнет краской. Внутри уже повесили герб, занесли столы и подключили электричество. Отставники Гридасова проверяют оружие. Щербаков полирует монтировку. Палыч варит кофе — крепкий, как деготь.

Гридасов подходит к верстаку и освобождает место между инструментами. Достая из кармана завернутую в платок печать, найденную Гурьяновым в гарнитуре, и ставлю рядом цессию. — Управление программ Министерства путей сообщения. — Гридасов поворачивает печать к лампе и сверяет буквы с документом. — На бумаге сокращено. Рисунок тот же.

Обе орлиные головы склонены внутрь, клювы сближены. Провожу ногтем по ободку каучука и снова заворачиваю его: такой оттиск уже стоял на лишних листах проверки. — Два документа из разных мест. — Прижимаю цессию к верстаку и показываю на сокращение. — Теперь попробуем найти того, кто их штамповал.

К одиннадцати приходит отец с Риммой. Она держит его под руку; у верстака он задерживается, переводя дух после лестницы, и я убираю инструменты с края, освобождая ему место. — Ты опять куда-то ночью собрался. — Отец снимает шапку и кладёт её на край верстака. — Работу надо закончить, пап. — Убираю цессию в портфель и застёгиваю замок. — Какая работа требует печатей и топора? — Он поворачивается к крюку у стены и убирает шапку подальше от инструментов. Пожарный топор мы повесили там при открытии мастерской; лезвие блестит под лампой.

Задерживаю ладонь на замке портфеля. Отец смотрит на топор, потом на меня; придумывать ему ещё одну безобидную поездку язык отказывается. Римма шагает вперед. Ее голос тихий, но твердый. — Данила, мы боимся. — Римма подаёт отцу стул и сама остаётся стоять у верстака. — Если с тобой что, как нам здесь остаться? — Я вернусь. — Ставлю портфель под верстак и беру её за руку. — Ты хоть поспать себе оставь время. — Она сжимает мои пальцы и поворачивает ладонь вверх. — Вон кожу на костяшках стёр. И когда успел?

Отец всё ещё держится за спинку стула, а Римма прячет мои стёртые пальцы между ладонями. Накрываю её руки своей: побудем так хоть минуту, пока можно. — Вернусь домой, пап. — Поднимаю с верстака его шапку и подаю ему. — В этот раз всё доделаем.

Провожая их до дверей и возвращаясь к верстаку. В углу Гридасов щёлкает зажигалкой, Палыч разливает оставшийся кофе; пока он подаёт мне кружку, я проверяю замок портфеля.

Снимаю пожарный топор с крюка в мастерской и выхожу во двор. Мокрый снег набился под воротник; я прижимаю рукоять локтем и открываю багажник джипа. В портфеле лежат привезённые из Владимира журнал регистраций и цессия. Рядом укладываю конверт Ады, печать оставляю во внутреннем кармане.

— До Никольской отсюда за двадцать минут не доберёмся. — Щербаков обходит машину и открывает водительскую дверь. — Возвращаемся во Владимир сейчас?

— Сейчас, пока дорога свободна. — Кладу топор вдоль стенки багажника и закрываю крышку. — Завтра соберём схему входов. Костин дал нам срок до послезавтра.

Щербаков садится за руль, а я возвращаюсь в мастерскую за Гридасовым. Он договорился передать устройство дежурному следователю и ехать с нами; на базе во Владимире нам надо сверить описи. У двери ещё раз проверяю внутренний карман: печать под платком на месте.

До областной базы добрались к двум ночи. Щербаков оставил джип у мастерской; документы я перенёс в кабинет и запер в сейф. Стянул мокрую куртку и опустился в кресло, намереваясь хотя бы час поспать.

Телефон в кармане куртки завибрировал, и я зажал сигарету губами, чтобы освободить руку. На экране высветилось имя Ады. Два часа ночи — сейчас бы проспать хотя бы до рассвета, только она по пустякам в такое время звонить побоится.

Траурный венок Пастухова стоял за воротами базы у придорожного столба: «От скорбящих партнёров», а ниже белели приколотые накладные. Кулагина осталась отдыхать в московской конторе. Когда проезжали мимо венка, я отвернулся: мокрые накладные могли отвалиться до утра, а убрать их сейчас сил уже не было. Хотелось вымыться, выпить чаю, проснуться оттого, что затекла шея в неудобном кресле. Хоть одну ночь потратить на себя.

Поднёс телефон к уху. Ада говорила так тихо, что пришлось прижать аппарат плотнее. — Данила Павлович, жгут сегодня, вместо среды, — Ада торопилась, проглатывала окончания; в трубке шуршала ткань. — Наш план сорвался.

Я поискал ногой ботинок под креслом. К среде мы собирались подойти со схемой входов и расписанием дежурств; сейчас даже шнурок придётся затягивать на бегу. — Что у них случилось? — я поднялся из кресла и задел ногой пепельницу. Стекло звякнуло о пол.

— Куратор приехал из Москвы на «рафике» с московскими номерами, — она осеклась, переждала чей-то кашель за стеной. — Коробки уже грузят. Архив решили уничтожить. Если хотите забрать папку, через двадцать минут вы должны быть у флигеля, на заднем дворе.

Я убрал телефон и затянул шнурки. От владимирской базы до второго корпуса железнодорожного управления на Никольской ехать пятнадцать минут, если светофоры пропустят. По встречной уложимся в десять, но там можно застрять навсегда под первым же грузовиком. В окне отражалась моя растёгнутая куртка. Я дёрнул молнию и вышел к двери; со стороны города тянула сирена. — Гридасов, ты здесь? — я распахнул дверь и нащупал на стене выключатель.

Майор выглянул из соседнего кабинета. После дороги он ещё сверял привезённые описи с теми, что хранились на базе; глаза покраснели от недосыпа. — Здесь я, Данила Павлович, — он вышел в коридор и прикрыл за собой дверь. — Берём звено, топор из нового снаряжения и мой мандат на часовой доступ эксперта, — я отпер сейф и вытащил бумагу из-под журнала. — Помнишь следователя, которому помогли с контрабандой металла? Сообщи ему: в Управлении вывозят документы, пытаются поджечь архив. Нам нужно официальное оцепление по сигналу.

Гридасов вернулся к телефону. Я слышал, как он набрал номер и потребовал дежурного следователя. Если милиция опоздает, каждый вынесенный нами лист к утру назовут украденным. А я собирался предъявить эти листы публично, с протоколом изъятия.

Через пять минут мы уже были в машине. Я сидел рядом со Щербаковым, и ремень давил на ключицу, пока я вытягивал из-под него куртку. Позади, в фургоне, ехали четверо крепких парней из нашего союза. Взяли лом и топор; с огнестрелом сюда ехать значило самому подарить противнику уголовное дело.

В стекле поверх ночных фонарей отражалось моё лицо с седеющей щетиной. Вот тебе и знание будущего. Эту проверку я помнил августовской, а сейчас зимой мчался спасать бумаги.

Полгода менял ход сделок, срывал чужие договорённости и всё ещё надеялся, что сверху станут ждать по старому расписанию. Пастухов уже поторопился. Придётся успеть за ним.

Машина затормозила у забора Управления. Колочая проволока поблёскивала в свете дальних фонарей. Внутри двора горело одно окно флигеля второго корпуса. За его складским залом лестница вела в архивный подвал — туда, куда Костин велел идти с Никольской. Туда свозили дела, которые теперь грузили в машины и жгли в подвале.

У машины пахло гарью и мокрой землёй. Я потянулся к застёжке ремня. — Щербаков, достань топор, — я отстегнул ремень и выбрался на дорогу. Щербаков открыл багажник и достал пожарный топор с облупившейся красной краской. Передал его рукоятью вперёд. Я прижал тяжёлое топориче к спине и пошёл к вахтёрской.

Вахтёр в бушлате дотянулся до кнопки вызова милиции и загородил собой узкую калитку. Вместо дубинки у него была удочка; он выставил её поперёк прохода. — Стоять, куда идёте! — старик упёрся пяткой в порожек и перехватил удочку ближе к середине. Я достал мандат, готовясь показать его при свете вахтёрской. — Данила Грач, общественный эксперт, — я развернул мандат и поднёс к стеклу с освещённой стороны. — Проверка сохранности государственных фондов, доступ на час. Открывайте ворота. За удержание чужого имущества отвечать придётся и вам.

Старик читал фамилию по буквам, водя губами. После истории с конкурсами и портами меня в области узнавали. Только по его лицу я бы сейчас охотно согласился побыть незнакомцем: такими глазами смотрят на неприятность, которую уже впустили. — Там начальник смены, он же... — вахтёр отступил и споткнулся о порог. — Начальник смены занят, — я прижал мандат к стеклу и подвёл печать под свет вахтёрской. — Вот подпись представителя администрации. Отойдите от ворот.

Вахтёр убрал удочку к стене и взялся за засов. Я помог потянуть тяжёлую створку, затем вернул топор Щербакову, освобождая руки под документы. На заднем дворе стояли два серых «рафика» с московскими номерами. Пастухову прислали помощь из столицы — ту самую, от которой местные начальники обычно прячут глаза.

Грузчики в серых плащах швыряли коробки в кузов. У ближнего на картоне читалось «Личное дело»; он заметил нас и задержался у подножки. — Вы кто такие? — парень подтянул коробку к груди и загородил ею дверцу. — Милиция и общественный контроль, — я вышел под фонарь и показал мандат. — Коробку на землю, медленно.

Парень поглядел мне за спину и усмехнулся. Там были наши люди и Щербаков с топором, опущенным вдоль ноги. Милиции пока только ждали — он успел это рассмотреть.

За воротами завывали две сирены. Вспышки маячков осветили кирпичную стену, милиционеры побежали во двор. Гридасов успел. Я убрал руку от мандата: лейтенант мог записать в протокол и то, что делали мы.

Грузчики замерли у подножек. Из-за машины вышел толстяк с лысиной; на запястье под рукавом плаща блеснули золотые часы. Судя по тому, как остальные ждали его решения, командовал здесь он. — Ты не имеешь права тут находиться, Грач, — командир переступил через битое стекло и закрыл собой проход к флигелю. — Зона закрытая, государственная тайна. — Тайна горит, — я обошёл его сбоку и показал милиционерам на дымящее окно. — Документы вывозят до прибытия пожарных. Это поджог и хищение. Сотрудничать будете или дождётесь ареста?

Командир проверил взглядом ворота. Милиционеры ещё проходили внутрь, а к машинам оставался свободный проезд. — Езжайте к чёрту, мы уезжаем, — он отеснил плечом грузчика и потянулся к дверце кабины. Грузчики поднажали, заталкивая коробки в кузов до самой крыши. Командир собирался вывезти столько, сколько успеют погрузить, пока мы смотрим на дым.

Щербаков двинулся к кабине и поднял топор. Я догнал его у переднего колеса. — Отпустите руль, это последний шанс, — я встал между кабиной и воротами и показал командиру на приближавшихся милиционеров. Командир схватился за дверцу «рафика». Из флигеля выскочил человек с тяжёлой металлической папкой, на которой темнели сургучные печати.

Немчинова описывала в письме именно такую папку. Я рванул к ней, поскользнувшись на мокром асфальте. Щербаков оказался рядом, плечом сбил командира с подножки; тот упал и выронил ключи зажигания. Ключи откатились под машину.

Грузчики прижались к кузову. Милиционеры уже перекрывали двор, но сначала бросились разнимать Щербакова с командиром. Человек с папкой встретил меня локтем в живот. Я перехватил его руку, развернул корпус и ударил в солнечное сплетение. Он согнулся, выпустив папку. Я подхватил её снизу обеими руками. Металл ударил по ладоням, согнул мне пальцы своим весом.

Завёлся второй «рафик». Водитель дал газу и направил его к воротам; грузчик с последней коробкой успел прыгнуть на подножку.

— Стой, там люди! — я прижал папку к боку и потянул ближайшего милиционера с дороги. Рёв мотора заглушил мой голос. Красные огни уходили за ворота. Вместе с куратором уезжала часть архива, и я мог только гадать, что он успел забрать.

Бросить папку и догонять машину? Возле ворот толпились люди, водитель уже шёл напролом. Я остался с документами и проводил взглядом фары, осветившие поворот за оградой.

Молодой лейтенант подбежал к нам, споткнувшись о коробку. Он перевёл дыхание, упираясь руками в колени. — Товарищ Грач, что происходит? Кто эти люди? — лейтенант выпрямился и оглянулся на задержанного командира. — Вывозили государственный архив, остальное подожгли, — я поставил папку ребром на капот и освободил ладонь, чтобы показать на флигель. — Составляйте протокол осмотра, повреждения тоже опишите. Пожарным туда ещё можно пройти?

Лейтенант проверил проход вдоль стены. Из окна тянуло дымом, командир на асфальте требовал старшего по званию. — А эту папку вы откуда взяли? — он подошёл к капоту и разглядел сургуч на крышке. — Мы остановили человека, который выносил её из горящего архива, — я опустил папку плашмя и позвал Гридасова. — Майор записал время и свидетелей. Составляйте протокол обнаружения, всё покажем на месте.

Лейтенант оглянулся вслед ушедшей машине, затем вернулся к папке. Я оставил её на виду: передавать находку без записи было бы идиотизмом после всего, что мы только что видели. — Папку пока оставьте на капоте, — лейтенант достал бланки и позвал двух рабочих из пожарной смены. — Сначала опишем, при ком и где обнаружили.

Пока пожарные проливали флигель, лейтенант описывал папку и вложенные листы. Я успел прочитать верхние страницы над капотом, пока он записывал состояние каждой. От обгоревших краёв сыпалась сажа, и я придерживал листы за целый угол. Пожарный окатил стену водой; брызги долетели до машины, пришлось наклониться над бумагами, прикрывая их плечом. В шапке читалось: «Совет директоров госторговли РСФСР». Ниже стояла подпись: «Председатель совета. По поручению П.С.».

Я поискал расшифровку и на полях, и внизу страницы. Только «П.С.», две буквы. Моё полное имя, Данила Павлович Грач, было вписано жирно. Себя они прятали за инициалами, а меня обозначили так, чтобы никому даже уточнять не пришлось. Пастухов, Всеволод Ильич, по буквам сюда никак не подходил. Да и по должности: он проводил чужие решения, развозил приказы. Кто-то над ним давал поручения этому совету.

На следующих страницах от схемы сборов и сумм остались обгорелые обрывки. Лейтенант занёс повреждения в опись. Я ещё раз прочитал название организации — с него можно начать поиск.

Лейтенант изъяснял оригиналы по протоколу; для передачи редакции разрешил снять копии после регистрации. Я расписался и забрал свой экземпляр с перечнем спасённых листов.

— Уехали, — Гридасов обошёл капот и остановился рядом со мной. — Через пожарную лестницу вывели вторую часть. Куратор сам ушёл. — Знаю, — я сверил перечень с первой строкой протокола и придержал загибающийся угол. — Забрал то, что мог прочитать вслух. А то, что нужно было сжечь, оставил нам.

— Ты думаешь, они хотели, чтобы мы это нашли? — майор присел к капоту и склонился над перечнем в моих руках. — Они думали, мы опоздаем или испугаемся, — я перечитал строку с инициалами и сложил свой экземпляр пополам. — Ну вот, просчитались. Пожарные протянули рукав через двор. Под струёй воды расползались обломки коробок. — Жгли чужими руками, — я перешагнул через рукав и отвёл майора к машине. — Московские выполняли инструкцию. Написавший её боится сильнее исполнителей. Пастухов ждёт нас, а мы уже здесь. — Что дальше будем делать? — Гридасов открыл заднюю дверцу и убрал с сиденья привезённую опись. — Найдём полное имя за этими буквами, — я сунул протокол под пальто и застегнул верхнюю пуговицу. — Тогда Пастухову придётся объяснить, чьи приказы он выполнял. Копии ещё предстояло получить; без них Соловейчик увидит только мои слова.

Глава 2

Ветер потянул по двору снег вперемешку с пеплом. Вытер ладони о подкладку карманов: хотелось уже разложить перед Соловейчиком протокол, заставить его читать. Щербаков устроился за рулём, повернул ключ зажигания. — Домой теперь, Данила Павлович? — он протёр запотевшее стекло и включил обдув. — К Соловейчику в редакцию, — я сел рядом и притянул дверцу за ручку. — Нам есть что показать.

Машина выехала со двора. На выезде пришлось пропустить пожарную: я смотрел на её рукава, смёрзшиеся на подножке, и проверял сквозь пальто, на месте ли протокол.

После ночного изъятия всё ещё чувствовал на руках гарь. В сгоревшем флигеле кто-то отбирал чужие дела на уничтожение и торопился закончить до утра; теперь мне хотелось узнать его начальника по имени.

После ночного изъятия мы заехали к Соловейчику во Владимире. Он договорился с центральной редакцией о передаче материалов. После регистрации в УВД я получил копии архивных листов, забрал из сейфа журнал и поехал в Москву. К вечеру сидел на продавленном диване в своей конторе-квартире. За окном мела метель, но здесь, под тусклой лампой, было душно от запаха дыма и чая. Передо мной лежали копии обгоревших листов; края повреждённых отпечатались на них чёрными полосами. На копии целиком отпечаталась сургучная печать конверта — массивный круглый оттиск с гербом Советского Союза и надписью по кругу: «Совет директоров госторговли РСФСР». Ниже, размашистым почерком, который я уже узнавал по бланкам Пастухова, стояло: «По поручению П.С.»

Пётр Сергеевич или Павел Степанович — под эти инициалы можно было подогнать пол-Москвы. Редактору центральной газеты потребуется фамилия, связанная с конкретной бумагой, иначе он вернёт мне папку ещё в приёмной. С прокурором будет ещё веселее.

— Люська, выручай, — я подтащил лампу поближе и разложил под ней копии. После крика в дыму говорить было больно. — Проверь-ка этот совет.

На проводе из области скрипнули пружины кровати, затем зашуршали страницы. — Я тут, Данила Павлович, тетради перевернула, — Люська кашлянула, перелистнула ещё что-то у самого телефона. — Если совет существует как юрлицо или группа влияния, печати должны были всплыть в учредительных документах ставленников. Помнишь парня, которого мы выкупили через рынок?

— Его печать была обычная, резиновая, — я вытащил из-под остальных лист с оттиском и обвёл карандашом край изображения. — Здесь сургуч. Кто мог иметь доступ к такому штампу?

— Те, кто работает с госзаказом напрямую: Минторг, внешторг, — она помедлила, побарабанила по чему-то ногтем. — У крупных объединений вроде «Главмосстроя» свои печатники. А вот у тех, кто торгует книгами оптом...

Люська отложила трубку рядом с бумагами. Пять минут я слушал, как она перебирает тетради, и ходил вокруг стола, обходя осколки разбитой вазы. Всё хотелось подтолкнуть её — быстрее, быстрее же. Куратор за эти часы мог уже спрятать вывезенную часть архива.

— Нашла, — она подтянула трубку, чиркнула по мембране страницей. — В журнале входящей корреспонденции управления торговли за восемьдесят девятый год есть накладные на спецлитературу для «Совета ветеранов торговли». На обороте виза: «Принять к сведению, исполнить в срок. Секретарь совета директоров госторговли». Номер приёмной по последним четырём цифрам совпадает с тем, который ты утром читал с папки.

— А адрес там указан? — я открыл блокнот на чистом развороте и проверил, пишет ли карандаш.

— Москва, Кузнецкий мост, дом тринадцать, — Люська продиктовала по слогам, дождалась, пока я повторю. — Сейчас там ремонт. Раньше была столовая профсоюза работников торговли.

Записал адрес и положил трубку. Хоть куда-то теперь можно прийти и потребовать человека. «П.С.» за дверью бывшей столовой — уже лучше, чем две буквы на обгорелом листе.

В дверь постучали тремя короткими ударами, после паузы добавили ещё два. Узнал наш код и открыл.

На пороге стояла Ада. Мокрые волосы прилипли ко лбу; с пальто капало на половик. Щербаков за её спиной сразу повернулся к лестнице, оставив нас у двери.

— Ты живой? — она перешагнула порог и стянула мокрый платок. Капли брызнули мне на рукав.

— Ещё бы воздуха вместо дыма наглотаться, вообще бы хорошо, — я отступил, пропуская её, и закрыл дверь. — Что ты здесь делаешь? Внутри Управления проверка, тебе же нельзя светиться.

Ада сбросила пальто на стул. На деловой блузке остались серые пятна; она попробовала стереть одно, только размазала. У стола задержалась над изображением сургучной печати.

— Проверка уже началась, Данила, — она потёрла испачканный палец о ладонь и отодвинулась от окна. — Утром в отдел кадров вызвали моего знакомого, который вёл журнал ключей от флигеля, и кладовщика с накладными на вывоз макулатуры. Допрашивают часами. Пока молчат, но их дождут. За день или за ночь, какая разница.

— Ты ради этого сюда ехала? — я снял куртку со спинки второго стула и подвинул его ей. — Сказать мне «они идут»?

— Вторую половину привезла, — она пропустила стул мимо себя и расстегнула карман блузки. — Первую ты ночью с топором забрал. Пока они рылись в головах своих сотрудников, я сегодня днём до бумаг добралась.

Она вытащила из внутреннего кармана сложенную ксерокопию и расправила сгиб. Изображение двоилось, но строки читались.

— Первая страница приказа о программе «Книга года», — Ада положила лист передо мной и разгладила угол. — По нему нам расценки навязали на последние полгода. Сверху посмотри.

Взял копию за угол, чтобы свет упал поперёк строчек. Сквозь серые разводы проступала резолюция. «Не публиковать. До согласования структуры финансирования. Мошарин».

Прочитал фамилию ещё раз, сверил инициалы на соседнем листе.

— Пётр Сергеевич Мошарин, — я придвинул друг к другу две копии и положил карандаш поперёк строки «По поручению П.С.». — Бывший заместитель министра торговли СССР. Сейчас возглавляет совет директоров госторговли. Вот кто над Пастуховым.

Ада наконец села на предложенный стул. — Пастухов у него на побегушках, — она подтянула стул к столу и смахнула с блузки мокрую прядь. — Тебя боится, а Мошарина ещё сильнее. Ты увольнение добьёшься, тот посадит. И все сделают вид, что Пастухова знать забыли.

— Ты именно эту визу искала? — я развернул её лист к лампе и подставил снизу ладонь: тонкая копия просвечивала.

— По-твоему, интуиция регрессора? — Ада коротко засмеялась и оборвала смешок кашлем. — Ты рассказал про «П.С.», я вспомнила разговоры в коридоре. «Старик» снова в деле, говорили. Мошарин это. После стажа в Москве вернулся в строй: область, видите ли, слишком самостоятельная стала.

Налил ей чай в кружку и поставил поближе. Ада обхватила её обеими руками; край всё равно постукивал по зубам, когда она пила.

— Ада, за этот ксерокс тебя сдать могут, — я убрал лист от мокрого следа кружки и положил поверх архивных копий.

— Найдут пустой сейф, объявят кражу, — она отставила кружку, проверила пальцем, высохла ли манжета. — Если публикация выйдет завтра, бумаги уже все прочтут. Прятать будет поздно. И объяснять придётся тому, кто держал их в сейфе, пока шло следствие. Я на это рассчитываю.

Она выпрямилась, голос перестал спотыкаться на вдохах. — Я могу помочь выйти на Костина прямо сейчас, — Ада отодвинула кружку и освободила место возле телефона. — Или он уже на связи?

— На связи, только плату запросит такую, что зубы сводит, — я придвинул аппарат к себе и достал записную книжку.

— Заплати, — она перевернула мою книжку обложкой вверх и потянула к телефону. — У тебя для него новые правила союза, это дороже денег. Скажи ему: «Мошарин». Тут он сразу сообразит, на что замахиваемся.

Набрал номер Костина по памяти. Пока тянулись гудки, проверил, есть ли чистый лист для записи.

— Слушаю вас, — он снял трубку и выдохнул в сторону, отчего по линии прошёл короткий треск.

— Это Грач, Костин, — я подложил чистый лист под руку и прижал карандашом угол.

После моего имени в трубке даже дыхание стихло. — Данила Павлович, время-то какое, — Костин прокашлялся, отодвинул телефон от губ. — Позднее или раннее, уж как посмотреть.

— Нужна биография Петра Сергеевича Мошарина, и за час, — я написал фамилию и провёл под ней черту. — Дата рождения, домашний и рабочий адреса с телефонами. Потом состав совета госторговли и предприятия, где он числится консультантом или акционером.

Костин дал мне выговориться. Я уже поднёс карандаш к бумаге, но записывать пока было нечего. — Мошарин? — он повторил фамилию тише, затем откашлялся. — У него для твоей русской рулетки целый патронный завод имеется. Цена будет высокой, Данила.

— Ну, называй свою цену, — я откинулся на спинку стула и отодвинул пепельницу подальше от бумаг.

— Преференции в новых правилах союза, — Костин отчеканил последнее слово и выдержал паузу. — Эксклюзив на транзит зерна через твои склады. И личная встреча. Хочу посмотреть тебе в глаза, когда ты это публикуешь.

— Договорились, данные жду в течение часа, — я записал условие под фамилией и отметил время по часам. — Только на встречу принеси название получателя. На кого оформлять этот эксклюзив?

— При встрече и скажу, — Костин откашлялся и повторил моё условие про час. — Жди звонка.

Рядом с зерном оставил пустую строку. Майор выторговал право на мои склады, а кому оно достанется, придержал при себе. Я уже согласился: за имя Мошарина приходилось платить раньше, чем узнаешь всю цену.

Повесил трубку и повернулся к Аде. — Он согласился, будет ждать нас, — я закрыл книжку и освободил край стола для её кружки.

Ада допила чай. — Тогда я уйду, — она вернула кружку на стол и подняла со стула пальто. — Увидят меня здесь, конец и мне, и твоему плану.

— Погоди, вернуться сможешь? — я придержал пальто за воротник и помог ей попасть рукой в рукав. — В Управлении бардак, оцепление ещё стоит?

— Стоит, но подвальные ходы я знаю, — она застегнула пальто и откинула волосы из-под воротника. — Сыро там, зато тихо.

У двери она задержалась. — Данила, после публикации жить по-прежнему уже не получится, — Ада взялась за ручку и повернула её, оставив дверь приоткрытой. — Готов стать мишенью тем, кто привык сам за пулемётом сидеть?

— Я уже был у них мишенью, — я подобрал её мокрый платок со стула и подал ей. — В ноги стреляли, теперь будут в голову. Зато документы у меня. Твои.

Ада ушла по коридору. Щербаков дождался, пока она спустится, и вошёл. — Всё чисто, Данила Павлович? — он прикрыл входную дверь и проверил, захлопнулась ли защёлка.

— Почти, приготовь нам кофе покрепче, — я забрал со стола кружку Ады и протянул ему. — Сегодня ещё писать и писать.

Пока Щербаков ставил чайник, я разложил на столе копии архивных листов отдельно от копии Ады. Её лист прижал стаканом с карандашами: перепутать их сейчас значило потом выдать чужую резолюцию за находку в сгоревшем архиве. Люська снова была на линии из области. Пока ждали Костина, сверял с ней найденные сведения и вычёркивал то, что она могла подтвердить только слухами. — В восемьдесят восьмом возглавил трест «Книготорг», — Люська переводила дыхание между датами, перелистывала тетрадь возле телефона. — В девяностом ушёл в совет директоров. По бумагам пенсионер, а Центральный регион до сих пор под ним. Женат вторым браком, детей нет. Собирает старинные монеты, связи имеет и в партийном аппарате, и у московских силовиков.

— Где он живёт, известно? — я дописал строку про монеты и перенёс карандаш ниже.

— Прописан в Мещанском районе, одна квартира, — она дочитала до конца страницы, перевернула её с хрустом. — Дача в Жуковке и квартира в доме писателей пока по слухам. Костин адреса уточняет.

Мой телефон зазвонил ровно через пятьдесят восемь минут. — Грач, записывай внимательно, — Костин откашлялся и продиктовал фамилию медленно, с остановкой после каждого слога.

Высвободил карандаш из пружины блокнота. Костин диктовал с остановками, давая закончить строку. — Мошарин Пётр Сергеевич, сорок третьего года рождения, — он повторил год, дождался моего «дальше». — Домашний телефон: две-три-пять-семь-ноль-два. Рабочий, приёмная: десять-один-четыре-девять-три. Временно живёт на Арбате, дом двадцать четыре, корпус два, квартира сорок один. В совете семь человек. Трое бывших министров союзного уровня, четверо промышленников из Ленинграда и Свердловска. Пастухов записан региональным представителем по хозяйственным вопросам.

— Связь с «Книгой года» чем-то подтверждается? — я поставил пометку возле состава совета и вернулся к фамилии Мошарина.

— Письмом директору книжного фонда: выделить средства на программу, — Костин заговорил тише и сделал паузу после слова «письмо». — Копия в личном деле Мошарина. Допущены к нему трое: один уже мёртв, второй в командировке, третий сам Мошарин.

— Спасибо тебе, Костин, — я подчеркнул сведения о письме и выпрямился, освобождая затёкшее плечо.

— Ты, когда выйдешь на свободу, про меня вспомни, — он хмыкнул в трубку и переждал мой вдох. — Вот тогда поблаговаришь.

— Про зерно и встречу помню, — я вернул трубку к уху и поставил на полях отметку возле обещанного. — Об этом забудешь тут.

Положил трубку. Костин выдержал срок, и на листе передомной теперь были адреса, должности, состав совета. Сведения о письме ещё требовалось подтвердить самой копией. Но фамилия на принесённой Адой резолюции совпадала с председателем совета.

Заправил лист в пишущую машинку и провернул валик. Стук клавиш понравился мне сразу: наконец можно было делать дело, вместо того чтобы ждать очередного звонка.

Сводил цепочку прямо на листе. Мошарин возглавлял совет директоров госторговли, Пастухов через областное Управление торговли проводил его решения, а расплачивались участники «Книги года» — Книжный фонд, я и розница. Вот эту связь и нужно показать читателю, чтобы он сам мог пройти от приказа к своей переплате.

Выстукивал фразы, сверяя каждую с бумагой рядом. Приписать Мошарину кражу сейчас — подарить его юристам иск. А за резолюцию на приказе он пусть отвечает сам.

«Согласно протоколу изъятия документов №... от такой-то даты, в архивном флигеле железнодорожного управления обнаружена папка с сопроводительной запиской «По поручению П.С.» и печатью организации, идентифицированной как Совет директоров госторговли РСФСР. Председателем данного Совета является гражданин Мошарин П.С., ранее занимавший должность заместителя министра торговли СССР. В распоряжении редакции имеется копия резолюции гражданина Мошарина П.С. на приказе о программе «Книга года», содержащая указание «не публиковать до согласования структуры финансирования». Пастухов передавал в областное Управление торговли технические решения по распределению средств данной программы...»

Остановил каретку. По расценкам нужны были подробности от Соловейчика; без них читатель получит фамилию, но так и не узнает, сколько с него брали.

Через полчаса пришёл Соловейчик с портфелем. В расстёгнутом воротнике торчал съехавший галстук; на лестнице он успел запыхаться.

— Материал читал, Соловейчик? — я вытащил лист из машинки и передал ему через стол.

— Куски по телефону передал, — он принял страницу и прочитал верхнюю строку. — Люська сказала, там огонь.

— Я этой гари ночью наглотался, — я достал копию оттиска и положил рядом с его рукой. — Так что огонь был настоящий.

Он сел напротив, открыл портфель и достал блокнот. — Данила, юридическую сторону я проверил, — Соловейчик раскрыл блокнот и нашёл запись возле загнутого уголка. — На документальную публикацию тоже могут подать иск. Поэтому отделим то, что видно на листе, от наших выводов. Протокол подтверждает место находки. Оттиск и подписи сверим с ведомственными образцами.

— А если само получение бумаг объявят незаконным? — я поднял со стола протокол и разглядел сгиб на подписи лейтенанта.

— Показываем протокол, объясняем происхождение каждого листа, — он сравнил дату на моём экземпляре с записью в блокноте и вычеркнул пометку. — Ты спасал архив от уничтожения, это наш угол зрения. Только смелостью отсутствие документов не заменишь.

Соловейчик дочитал машинописную страницу. — Сухо у тебя, — он опустил лист и поддел ногтем первую строчку. — Бухгалтерия читателям понравится.

— Для интервью эмоции оставим, — я придвинул ему остальные страницы и освободил место возле машинки. — Тут пусть каждое слово можно будет проверить. Мясо сами нарастят, как размер скелета увидят.

— Возьму в работу, только есть проблема, — он сложил прочитанные листы и прижал их блокнотом.

— Ну, что ещё у нас? — я отодвинул каретку и вынул недопечатанную страницу.

— Редактор центральной газеты звонил час назад, — Соловейчик перевернул свой блокнот и ткнул ногтем в запись о звонке. — Тот, чьим авторитетом мы хотели прикрыться. Ему дали команду. Обычную: «Проверьте источники», «Подождите комментария», «Вы навредите стабильности рынка». Номер завис.

Вернул страницу в машинку криво, пришлось вынимать и заправлять снова. Пока тут подбирал безупречные формулировки, кто-то уже договорился обойтись без них.

— Сколько у нас времени осталось? — я выровнял бумагу по краю валика и прокрутил её до нужной строки.

— До утра, — он посмотрел на часы и придвинул мою папку к портфелю. — Завтра к полудню материал должен уйти в вёрстку. Иначе «дополнительная проверка» на месяц. За месяц нас с тобой вычислят и уничтожат.

— Значит, сами в редакцию едем, — я вытащил страницу из машинки и вложил её к остальным.

— Данила, рискуем же, — Соловейчик придержал папку и поискал глазами мой телефон. — Если нас там поймают...

— С документами придём и с эксклюзивом, — я снял его руку с папки и переложил бумаги в свой портфель. — Пусть сперва редактор подпись увидит. Фамилию Мошарина ему очень захочется напечатать.

Поднялся со стула, разминая затёкшую спину. После ночного штурма мышцы тянуло даже под лопаткой. — Позвони ему, скажи: Грач привёз материалы, от которых остаток седых волос вылезет, — я подтащил телефон к Соловейчику и освободил провод из-под портфеля. — Пусть ждёт.

Соловейчик набрал номер и дождался ответа. — Алло, Соловейчик беспокоит, — он закрыл ладонью ухо со стороны окна и подался к аппарату. — Да, это я. У меня документы, которые книжный рынок перевернут. Копии архивных листов с протоколом изъятия и отдельная копия резолюции. Заказчик? Сами увидите подпись. Хорошо, через сорок минут будем.

Он повесил трубку. — Нервничает, но принял, — Соловейчик защёлкнул портфель и убрал его под мышку.

— Вот и ладно, поехали, — я погасил лампу и подхватил куртку.

Мы вышли на лестницу. Из щели в оконной раме мело снегом; Соловейчик придержал портфель локтем, пока натягивал перчатку.

Сел в его старый «Жигуль». Сиденье просело, и пришлось упереться рукой в панель, чтобы устроиться. — Куда сначала едем? — Соловейчик вставил ключ зажигания и потянулся к подсосу.

— В центр, редакция на другом конце, — я проверил копии в портфеле и застегнул замок. — Сначала ещё к одному человеку заглянем.

— К Костину, что ли? — он повернул ключ и убавил приёмник, заглушавший мой ответ.

— Люське ещё позвоню, она в области, — я приоткрыл дверцу и уперся ногой в снег. — Цифры напоследок сверю, пока здесь. Потом прямо в редакцию, подожди.

После звонка вернулся в машину. Фары выхватили из метели снежную колею; в зеркале погасло окно моей квартиры. Ада ушла возвращаться в Управление, под утро ей снова предстояла дорога в область.

Прижал портфель коленями. Из всей добытой биографии нам пригодится прежде всего должность: фамилия на визе, фамилия во главе совета, та же печать. Пусть попробуют сказать, что это случайное совпадение.

— Держись, Данила, почти приехали, — Соловейчик свернул на заснеженную улицу и притормозил перед редким прохожим.

Я растёр ладонью лицо, отлепил от щеки промокший воротник. За стёклами круглосучного магазина продавщица переставляла хлеб на полке. Вот ей и её покупателям мы собирались объяснить, кто назначает цену сверху и чьё имя при этом прячут.

Ночью редактор принял бумаги только у дежурного, а для разговора назначил девять утра. Мы вернулись в контору, поспали по очереди и приехали вновь: до полуденного срока оставалось три часа.

Редактор центральной газеты рассматривал мою папку так, будто внутри лежаладохлая крыса в коробке от торта «Прага». Из соседнего зала тянуло типографской пылью, на подоконнике сохла свежая краска. Устроил портфель на коленях и ждал, пока он дочитает верхний

лист. Редактор пил чай, возвращался к началу и опять пил. За это время за окном прошли два трамвая; на третьем я уже начал считать остановки.

— Данила Павлович, я всё понимаю, — он поставил стакан и повернул ко мне лист с фамилией. — Но ты хоть знаешь, кто такой Мошарин? Замминистра, почти министр. Я запущу номер — мне голову снимут вместе с редакцией. Сверху уже звонили. Лучше бы, говорят, товарищи журналисты о ценах на хлеб писали. Похвальная инициатива, твою мать.

Глава 3

Прижал ладонью обложку папки. На первой копии чернел обгоревший край оригинала, рядом отпечаталась сургучная печать с советским гербом и надписью «Совет директоров гос-торговли РСФСР». Старую печать продолжали использовать в новых бумагах. Слава богу, додумались хоть оставить оттиск: теперь редактору приходилось разглядывать именно его.

— Предлагаю вам эксклюзив, — я вынул из папки протокол и разложил рядом с копией. — Бумаги, которые у всех на глазах пытались сжечь. Откажетесь — завтра город будет читать пересказы в самиздате или слушать «Эхо». А вы останетесь человеком, который всё это держал в руках и испугался.

Редактор перевёл взгляд с протокола на моё лицо. Потянулся за стаканом, обнаружил, что выпил всё, и поставил обратно. Снова вернулся к фамилии Мошарина, перечитал её по слогам. Я ждал, пока он сам спросит о протоколе.

— А если я всё же откажусь? — он отодвинул пустой стакан и прикрыл ладонью лист.

— Заберу протокол изъятия, — я высвободил лист из-под его ладони и вложил в раскрытую папку. — Подписал прибывший лейтенант, при майоре Гридасове. Копия уже в приёмной губернатора: «в ходе оперативно-розыскных мероприятий обнаружены документы, подтверждающие незаконную хозяйственную деятельность группы лиц». Хотите первым назвать имена или потом читать их в чужой статье?

Дал ему дочитать до конца. Часы тикали у самой двери, от выпускающего уже дважды заглядывали в кабинет. Пока мы здесь торгуемся за место на полосе, Пастухов мог успеть ещё что-нибудь закрыть.

На столе зазвонил телефон. Редактор отодвинул стакан и снял трубку. Я придержал папку: провод зацепился за её угол.

— Да, слушаю! — он подтащил аппарат ближе и освободил провод. — Откуда звонят? Что значит «заблокирован»? Какой транзит?

Редактор положил трубку и подался ко мне через стол. Чай он уже забыл.

— Из вашей области звонили, — он вытянул из-под моей папки чистый лист и записал число. — Тридцать четыре проверки разом. Милиция блокирует склады, налоговая требует учредительные документы за три года. Все поставки встали. Заказной удар, Данила Павлович. Вас решили задавить раньше публикации.

Провёл пальцем по написанному числу: тридцать четыре проверки. Так быстро устроить это мог человек с прямым выходом на область. Пастухов дождался помощи, а я всё ещё уговаривал редактора.

— Они прямо сейчас мою сеть душат, — я придвинул ему папку и открыл отмеченную страницу. — Чтобы я за бумагу, типографию, юристов заплатить не смог. Проиграю проверки — ваши документы превратятся в макулатуру. Кому нужна правда о человеке, которого уже разорили? Вам, между прочим, тоже нужно, чтобы я выжил.

— Ладно, верстаем, — он собрал наши листы и подложил под них запись про проверки. — Только интервью ваше, живое. Пусть люди лицо видят. А если вас через час арестуют, напишу, что вы жертва обстоятельств. Договорились?

— Договорились, так и пишите, — я отпустил папку и поднял портфель с колен. Редактор ушёл к выпускающему с нашими листами. Я дождался, пока Соловейчик закончит разговор с корректором, и вышел к телефону в коридоре: надо было узнать, дошли ли копии судебных бумаг до базы.

В коридоре уборщица отодвинула ведро, пропуская меня к окну. Достал тяжёлую «Нокию», набрал номер Щербакова; за этот кирпич пришлось отдать половину месячной зарплаты рабочего, и сейчас впервые счёл покупку дешёвой.

— Данила Павлович? Тут весело, — Щербаков перекрикивал дизель, потом отошёл, и стало слышнее. — Оцепление везде. У Лабазова машину с товаром остановили. У Кулагиной инвентаризацию до утра требуют. Говорят, могут всё забрать, люди нервничают.

— Без ордеров ничего не отдавайте, — я упёр портфель в подоконник и достал блокнот. — Пока у них устные требования. Фамилии проверяющих записывайте, каждый шаг заносите в журнал.

— А силой возьмут, тогда как? — Щербаков заговорил тише, выдержал паузу в ожидании ответа.

— Юристы подали заявления по неоплаченным поставкам после блокировки артели, — я нашёл в блокноте запись о Сопове и подчеркнул её. — Утром получено обеспечительное определение по товару центрального склада. Заберу экземпляр у Сопова и судебного исполнителя, поеду туда. А ты собери снабженцев Пастухова на нашей территории: мясо, зерно, металл. Их счета тоже под ударом?

— Их тоже проверять начали, — он откашлялся и перешёл к названиям баз. — Записываете, Данила Павлович?

— Значит, им тоже нужны расчёты, — я вынул из кармана карандаш и записал названные Щербаковым базы. — Предложи прямые договоры через союз и добровольный взаимозачёт подтверждённых долгов. Чужие счета мы не арестуем. Зато свои деньги по спорным поставкам взыщем через суд, и пусть снабженцы решают, стоит ли дальше кредитовать Пастухова.

На той стороне ещё поработал дизель, потом Щербаков вернулся к телефону.

— Хитро, но они давление почуют, — он понизил голос, выждал, пока мотор заглохнет. — Тогда уж к Пастухову окончательно уйдут.

— У него тоже хаос, — я закрыл блокнот и убрал его в карман. — На центральном складе министерства сегодня будет опись по суду. Снабженцы увидят, что даже этот товар мы можем остановить. Вот после этого пускай решают, у кого деньги надёжнее. Действуй.

Отключил телефон и спрятал его в карман. Проверки высасывали из сети деньги, а отказ от новых отгрузок без оплаты лишит Пастухова привычного товарного кредита. Добраться до его склада сегодня — вот на что теперь работало всё остальное.

Соловейчик догнал меня в коридоре. Его пропустили мимо ведра уборщицы, но он всё равно задел его портфелем и оглянулся извиниться.

— Ну, номер выйдет? — он протиснулся между мной и подоконником, убрал портфель с мокрого пола.

— Выйдет, — я застегнул куртку и подхватил свои бумаги. — А я в область еду, к вечеру там дело поважнее. Хочешь увидеть, как после статьи деньги двигаются?

Соловейчик оглянулся на дверь выпускающего. — Я с тобой, погоди, — он забросил портфель на подоконник и подтянул на плече ремень камеры. Из редакции мы выехали ещё до обеда. В конторе забрали экземпляр определения, затем несколько часов шли по заснеженной дороге к Владимиру. У въезда в город встретил Сопова с судебным исполнителем; на центральный склад добрались к вечеру. Центральный склад министерства торговли находился на окраине, за бетонным забором с колючей проволокой. Пока мы подъезжали, через ворота пропустили грузовик с московскими номерами. Рабочие уже теснились у заднего борта, принимая первые мешки, а охранник махал водителю: сдавай ближе к ангару.

Мы подъехали на чёрном «Мерседесе», взятом напрокат в столице. Со мной ехали судебный исполнитель и двое юристов союза. В папке у Сопова лежали определение по нашему спору и документы по неоплаченным поставкам; описывать товар предстояло исполнителю, мы обеспечивали доступ и представителя взыскателя. Соловейчик ехал сзади, в своём старом «Жигуле», с включённой камерой.

Перед закрытыми воротами нас ждали пятнадцать снабженцев. Кожаные куртки, золотые цепи поверх свитеров; нескольких я знал по прежним сделкам. Они расступились ровно настолько, чтобы выпустить грузовик, и снова сомкнулись.

— Куда прёшь, Грач? — здоровяк со шрамом над бровью спустился с поребрика и встал перед машиной. На Пастухова он работал ещё в начале года. — Частная территория, Минторг. Нельзя тебе сюда.

Вышел из машины. Ветер прихватил полы плаща, пришлось прижать их портфелем к бедру.

— Государственная территория, — я подошёл к нему и вынул определение из портфеля. — По утреннему определению арбитражного суда области товар подлежит описи и временному аресту. Спор о неоплаченных поставках артели, до выяснения обстоятельств.

Шрам заглянул через моё плечо на юристов.

— Ты сам себе судья, что ли? — он протянул руку к определению и растопырил пальцы перед моей грудью. — Давай бумажки, мы их тут же порвём.

Сопов шагнул вперёд с синей папкой. Я убрал наш экземпляр обратно, пока он открывал свой.

— Здесь определение об обеспечительных мерах, — юрист отогнул обложку и показал печать с подписью судьи. — За препятствие исполнению судебного акта отвечать придётся вам. Предупреждаю сейчас, при свидетелях.

Шрам убрал руку и повернулся к своим. На его месте я бы тоже рассчитывал, что бумаги застрянут в арбитраже на месяцы. Но юристы готовили их после блокировки артели; мы наконец успели раньше тех, кто ждал нашей растерянности.

— Вы не имеете права! — тонкий парнишка протиснулся рядом со Шрамом и упёрся ладонью в ворота. — Товар министерский, для региональных распределителей! Вы же поставки остановите, города без крупы оставите!

— Прикрываетесь городами, а наценки Пастухову оставляете, — я отвёл от ворот Сопова и передал папку исполнителю. — По прозрачным договорам через союз работать готовы. Сейчас товар лучше сохранить под арестом, чем дать растащить под шумок. И комиссии совета с него снимать хватит.

В толпе заговорили разом. Один бросился звонить Пастухову, двое попытались оттеснить юристов от калитки. Подозвал безопасность союза. Ребята в одинаковых ветровках вклинились между спорщиками и освободили проход; ладони держали открытыми, отводя лезущие в лица руки.

— Проходите, мы удержим проход свободным, — я отступил от ворот и пропустил судебного исполнителя.

Исполнитель раскрыл акт и вызвал заведующего складом. Юристы сверяли названия товара с приложением к определению, а я придерживал дверь, пока рабочие отводили машину от описываемого ангара. Толпа наблюдателей росла. Из ангара вышли директора подразделений, растерянные, в спецовках. Они смотрели на нас, затем на документы, затем друг на друга.

Со стороны дороги подъехал милицейский микроавтобус. Гридасов, стоявший у наших машин, проводил старшего оперативника к судебному исполнителю. Я отступил от ворот, давая им пройти.

— Игорь Петрович, самовольный захват! — Шрам потянулся к рукаву оперативника и показал на меня. — Он арестует государственное имущество!

— Руки уберите, — оперативник высвободил рукав и принял у исполнителя определение. — Исполнительный документ предъявлен?

Сопов раскрыл приложение, показал список товара и отдал наш экземпляр акта. Гридасов встал рядом, сверяя номера по накладной союза.

— Здесь имущество по спору о поставках, — исполнитель раскрыл журнал и указал место для записи. — Представитель склада приглашён, опись ведём при нём. Люди у ворот мешают проходу.

Оперативник дочитал определение и повернулся к Шраму.

— Возражения подавайте в суд, — он вернул бумагу исполнителю и махнул своим людям к воротам. — Проход освободить. За сопротивление будете отвечать отдельно.

Шрам отступил, оглянулся на своих снабженцев. Те остались у машин, переговариваясь между собой. Я забрал у Сопова накладную и передал Гридасову: пусть покажет её оперативнику, если тот ещё будет уточнять основание спора.

На телефоне высветилось «Москва». Отошёл к машине, прикрывая аппарат ладонью от ветра.

— Данила Павлович, вы там? — Ада едва выговорила моё имя, перевела дыхание. По голосу узнал её сразу.

— У склада, что случилось? — я отошёл за дверцу машины и прижал телефон плотнее к уху.

— В Управление телеграмма прилетела от московского куратора, — она зашуршала бумагой и прочитала первую строку. — Тот, что ночью ушёл. Рапорт написал: вы архив ограбили, папку вынесли. Требуется немедленно задержать.

Присел на край сиденья, чтобы меньше задувало в трубку.

— Пусть пишет, доказательства у него есть? — я вытащил свой экземпляр протокола и придержал его на колене.

— Говорит, сам вас видел, — Ада дочитала строку, перевернула шуршавший лист.

— А милиция сама изъяла оригиналы по протоколу, — я сверил на своём экземпляре подписи и убрал его под пальто. — Лейтенант, свидетели, мандат на доступ. Пусть попробует сделать из этого ограбление. Скоро публикация выйдет, потом новости и радио подхватят.

Ада замолчала. Ветер свистел возле дверцы, я прикрыл её плечом.

— Я передам, — она перевела дыхание и повторила громче, чтобы я расслышал. — Только после публикации они за источник возьмутся. За меня, Данила Павлович. Будьте осторожны.

— Держитесь, скоро всё закончится, — я поднялся с сиденья и оперся локтем о крышу машины, закрывая телефон от ветра.

Отключил телефон. Судебный исполнитель запер описанное помещение и наложил пломбу, юрист переписал её номер в наш экземпляр акта. Снабженцы расходились, продолжая ругаться уже у машин. Соловейчик фотографировал пломбу, затем исполнителя рядом с заведующим. Остался возле юристов, дожидаясь, пока закончат акт.

Пастухов перекрывал нам отгрузки, а теперь его собственный товар стоял за опечатанной дверью. Провёл пальцем по своей копии акта. Эту бумагу снабженцы прочтут очень внимательно: брать на себя его долги и дальше давать товар в кредит после сегодняшнего захотят уже не все.

Опись затянулась до ночи. Мы дождались подписей заведующего складом и исполнителя, забрали свой экземпляр, после чего поехали обратно в Москву. Газету Соловейчик привёз в контору уже на следующее утро, когда в редакции вышел тираж с его снимком у склада. Утром в московской конторе отодвинул папку с копиями и развернул ещё тёплую газету. Типографская краска осталась на подушечке пальца. Во дворе дети разгребали снег у качелей; я слышал, как они спорят, кому первому кататься, а сам всё разглаживал первую полосу.

Заголовок «КТО ЗАКАЗАЛ ПРОГРАММУ?» занял верх полосы. С фотографии у ворот склада я смотрел прямо в камеру; сейчас, на печати, только и заметил, как крепко сжал зубы. Под снимком шли проверенные строки: связь совета с программой, оттиск печати, имя Моша-

рина и виза «не публиковать». Нашёл цитату из приказа и прочёл её вслух. Вот теперь фамилию можно услышать из газеты, которую купили в киоске.

Первым позвонил редактор. Потом звонки посыпались каждые две минуты.

— Данила Павлович, телефонная станция легла! — он рассмеялся, перекрыл трубку ладонью, окликнув кого-то в кабинете. — Регионы звонят, столица, Европа. Всем вас подавай. Нужно срочно живое интервью до следующего номера. Готовы?

— Готов, на прежних условиях, — я вытащил из-под газеты блокнот и открыл календарную страницу. — Личная жизнь остаётся дома. Политика и экономика.

— Принято, завтра в десять ждём, — редактор повторил время, а возле трубки зашуршала раскрытая тетрадь. — Запишите себе, я тоже отмечу.

Записал встречу, положил трубку и сел наконец как следует, опираясь на спинку. Голова болела с ночи, но первую полосу хотелось перечитывать снова. Сколько людей за сегодняшнее утро уже произнесли эту фамилию?

К вечеру зазвонил второй телефон, стационарный. За день успел разобрать редакционные вопросы и отправить в область копии опубликованной полосы.

Отодвинул газету, потянулся к аппарату.

— Да, слушаю вас, — я снял трубку и отвёл провод от края стола.

— Данила Павлович, с публикацией поздравляю, — Костин хмыкнул в трубку, прошуршал газетой возле телефона. — Эффект мощный.

— Спасибо, Костин, — я подтянул к себе блокнот и записал обещанный эксклюзив по зерну. — Про личную встречу помню, сегодня к публикации не успел вернуться. Давай отдельно назначим время. А сейчас что случилось?

— Дело серьёзное, слушайте внимательно, — Костин перебил меня, а следом на линии стукнула поставленная на стол трубка. Через миг он вернулся к телефону. — Ваша активность график изменила.

— Какой ещё график, Костин? — я снял колпачок с ручки и потянул чистую страницу из-под блокнота.

— Комиссия Минторга едет сейчас, — он отчеканил слово «сейчас», переждал, пока я отвечу. — Та, которую вы в августе ждали, как по памяти. После статьи сверху немедленно отреагировали. Назначена на завтра, в область, проверять ваш союз и вашу сеть. Хотят закрыть вопрос, пока вся страна не подхватила.

Прижал ручку к бумаге: под датой расплзлась жирная клякса.

В августе у меня было бы ещё полгода на договоры и союзников. Помнил эту проверку и готовился к ней заранее, а теперь сам вызвал её зимой. Пока радовался первой полосе, министерские уже собирались в дорогу.

— Почему раньше не предупредили? — я провёл пальцем по кляксе и испачкал кожу. Пришлось вытереть руку о край листа.

— Решение принято сегодня вечером, после выхода тиража, — Костин выдохнул в трубку и кашлянул. — Сам узнал в последний час. Хоть один нецелевой рубль найдут, хоть одну ошибку — разгромят. Данила Павлович, тут уже ни откупиться, ни подготовиться, ни наверху договориться времени нет.

— Журнал регистраций у меня есть, — я подтащил к себе портфель и проверил замок отделения с журналом. — Статус эксперта тоже. И люди, которые их правила лучше них самих знают.

— Уверены, что встретите? — он повысил голос и перекрыл трубку на короткое время; я услышал шелест ткани. — В одиночку, когда виновного искать едут?

— Да кто сказал, что в одиночку? — я застегнул портфель и пододвинул его к выходу. — Людей подниму. Дорогу только вы опять укоротили.

Повесил трубку и вернулся к газете. Сегодняшняя фамилия на полосе была моя, а завтрашний акт могли составить так, что придётся читать его из-под ареста.

Прежний августовский график пришлось вычеркнуть. Взял лист с кляксой и записал, кому звонить на базе: сначала Палычу, потом Гридасову. Их нужно поднять до приезда комиссии, выложить документы на столы, дать проверить друг друга. Если найдём ещё пробел, эту ночь потратим на него.

До назначенного интервью всё ещё рассчитывал успеть вернуться. На дорогу туда и обратно уйдёт ночь, сколько займёт проверка — скажет председатель комиссии. Из-за этого и злился сильнее всего: я снова ждал чужого решения.

У окна во дворе один за другим гасли огни. Я вернулся к телефону и набрал базу. Пусть сонных, недовольных — сейчас услышу своих и станет понятно, за что хвататься первым.

Ночью мы снова выехали из Москвы во Владимир. Я перенёс журнал в кабинет базы и до рассвета раскладывал с Палычем первичные документы по датам. От гудящей лампы ломило висок. На настенном календаре карандашом был помечен августовский срок проверки, а комиссия Минторга уже ехала сюда по зимней дороге. Потёр въевшуюся в палец чернильную кляксу и потянул к себе следующую пачку договоров.

Память подсунула мне срок из прежней жизни. Чем дольше на него рассчитывал, тем больше времени потерял; теперь за каждую недостающую бумагу мог расплатиться весь союз. Вчера ещё радовался публикации — сам же заставил их поторопиться.

— Данила Павлович, ты бледный, как покойник, — Римма поставила чай на свободный угол и отодвинула от стакана договор. За её спиной Палыч дочищал карандаш для подписей протоколов. Деревянная стружка падала на подложенную газету; я следил за каждым движением ножа и никак не мог отвести взгляд.

— Минторг едет, внеплановая проверка юриц союза, — я перевернул договор и нашёл подпись на обороте. — Сегодня здесь будут, уже в пути.

Палыч перестал точить карандаш. Я поднял глаза: оба ждали, что я скажу дальше.

— Откуда данные? — Римма отодвинула стакан от бумаг и присела на край стула.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.